

остальных — таинственные монограммы, расшифровку которых можно найти на последней странице книжки, да и то не всех, один значится: «Книголюба Ми. О. П.»

Как с точки зрения художественной, так с точки зрения технического исполнения, эти книжные знаки или вернее «картинки» очень слабы, избобличая руки совершенно не опытных, очевидно, начинающих гравировать любителей и само собой разумеется, что подобные знаки никоим образом не могут украшать книгу.

Все это издание—есть в полном смысле слова покушение с негодными средствами. Появление подобных изданий может быть объяснено тем большим увлечением книжными знаками, которое у нас теперь наблюдается.

В. Адарюков.

Графика студийцев графической мастерской Моск. Пролеткульта. — Выпуск I. Москва 1922 г. Издание Московского Пролеткульта. 13 лист.—21 табл.—300 экз.

За все время существования Советской власти мы лично с особенным интересом и с чувством самой искренней дружбы следили за тем искусством, которое развивалось в студиях Московского Пролеткульта. Мы верили, что именно в его недрах произойдет то долгожданное рождение *нового* художественного стиля, без которого самая плодотворность происходящего общекультурного сдвига мнилась бы вопросительной.—Нам много пришлось видеть произведений «пролетарского», или себя так именуемого искусства; на выставках нам неоднократно приходилось отмечать чрезвычайный интерес работ молодежи, вышедшей из рядов русского пролетариата.—Поэтому появление альбома работ графической мастерской Московского Пролеткульта было для нас событием большой и приятной важности. Мастерская— в надежных руках т. И. Соколова, чьи работы давно уже выделялись на выставках последних лет. Соединены в альбоме 20 гравюр на линолеуме; лично нам, стоявшему к Пролеткульту до последнего времени близко, известно, что

линолеум этот «утащен» с пола кухни бывшего Морозовского особняка; известно, в каких тяжелых условиях личным трудом выпущен альбом.—Товарищам, его создавшим, самый искренний привет от изучателя и друга всяческой полиграфии.

По существу, гравюры альбома—разноценны, что не удивляет при десяти участниках (Азуевский, Боровков, Голубев, Зугрин, Кравченко, Раев, Серов, Смирнов, Хмелева, Колобашкин).—Некоторые из них,—вполне почти овладевшие своим мастерством «линогравера», с индивидуальностью и с наклоном в сторону живописности. К ним надо причислить Азуевского! (чья гравюра «Хлев», первая по порядку в альбоме, является, пожалуй, самой мастерской в в альбоме), Зугрина, Серова, Смирнова, Хмелеву. Мы не скроем, что цветные гравюры альбома нас не удовлетворяют (за исключением «Гадалки» Хмелевой, где есть декоративный эффект, правда, взятый с Востока). Краски не только сами по себе нехороши (это — не беда, нужду Пролеткульта в внешних средствах мы хорошо знаем),—но они мало удачно выбраны. Полуплакатный стиль интересной «Постройки» Серова погублен сладкой лиловой краской первого плана, и «Сбор листьев» Смирнова напоминает олеографию.—Зато черное и белое чудесно чувствуют молодые пролеткультисты. В такой «примитивной» вещи, как этюд портрета Боровкова очень удачно намечено трехзвучие черного, белого и серого. Чисто плоскостная и контрастная трактовка «Швеи» Кравченки производит прекрасное декоративное впечатление, напоминающее в будущих возможностях В. А. Фаворского.—Лично нас заинтересовал очень разный подход участников альбома к теме портретного этюда; наше сочувствие здесь на стороне «примитивистов» Боровкова и Кравченки, а не Раева и Колобашкина, первый из которых дает очень «эстетизированную» форму, близкую к Валлотону.

Общее направление студийцев — реалистическое в самом хорошем смысле. Неизбежный «Октябрь» мнится запоздалой данью вчерашнему дню; символичны для настоящего иные сцены—«Построй-

ка» и «У совета», к которому несут и везут всякую живность. — Нам представляется, что именно организация нового быта является ныне актуальной задачей русского молодого искусства. Чудесные перспективы самого радостного художественного труда рисовались бы нам—если бы...

В первой своей части данная рецензия написана не случайно в прошлом времени. Современное положение Пролеткульта внушает очень серьезные опасения. В то самое время, как общее чувство отрезвления бесспорно могло бы быть отмечено во всем русском искусстве, Московский Пролеткульт внезапно поддался звонкости «лозунгов слева», и

«единым постановлением» отменил искусство в своей среде. Гравюрка как самодовлеющий способ выражения и станковая картина объявлены ненужными. Мы не знаем, как отнесутся молодые художники из Пролеткульта к такому обороту. Нам лично эта реформа представляется роковой. Ибо «Альбом», нами рассмотренный, убеждал ведь, что пролетарское искусство у нас *есть*,—и что его надо было бы беречь и давать ему возможность дальнейшего роста, не выбрасывать его за борт ради звонких слов идеологии абсолютно себя не проявившего еще «вещного производства».

Проф. А. А. Сидоров.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ.

ОБ ОДНОЙ РЕЦЕНЗИИ.

В № 1 (13) журнала «Книга и Революция» за 1921 год, стр. 56—57, напечатана рецензия С. В. на переведенную мною книгу Меринга. «История Германии с конца средних веков».

Очень удобно составленная рецензия. Несколько выписок из предисловия Меринга, большущие выписки нескольких мест из моего предисловия дают вероятно, до 80—90% всей рецензии. Но почему же автор, вероятно, оплачивался как рецензент, а не как переписчик? Да потому, что все-таки он кое-что изложил «своими словами», нигде не поставил кавычек и только раз мимоходом упомянул, что такая-то мысль высказана мною. И потому еще, что в оценке Меринга он сделал и собственное

дополнение; «исправил» то, что говорит Меринг об экономической роли средневековой церкви. А уж так ли важно, что при этом С. В. коренным образом разошелся с установившимися в марксистской литературе воззрениями? Ловко состряпанная рецензия.

Однако на свою пагубу, рецензент не остановился на этом. Он вздумал исправлять «опечатки» и «редакционные недосмотры». А так как делал это явным образом наобум, не справляясь с оригиналом, то и обнаружил своими «исправлениями», что его ловкая рецензия—*шарлатанская* рецензия.

Я пишу это слово в полном сознании того, что никакая контрольная комиссия меня не похвалит, если я не сумею при случае доказать, что мое утверждение правильно.

И. Степанов.